

ЕГЭ как зеркало проблем российского образования

Проблемы образования в последние годы неизменно занимают в России одно из первых мест в общественном дискурсе. Причем в значительной степени эти обсуждения сконцентрировались в одной точке — точке перелома, когда происходит массовый переход от школы к вузу. Качество школьного и вузовского образования, проблемы выбора школы и вуза, школьные программы — все это тоже является предметом общественных дискуссий, но не они находятся в центре внимания. При этом сами проблемы выпуска/набора в последнее время резко сузились, сфокусировались на единственном моменте: это ЕГЭ¹. А уже внутри проблемы ЕГЭ дискутируется, причем очень активно, широкий круг вопросов: нужен ли ЕГЭ или его следует отменить, что он дает и чего не дает, решает ли он проблемы современного российского образования или только обостряет их.

На первый взгляд этот вопрос может показаться достаточно локальным: как лучше проводить выпускные и вступительные экзамены: по старой системе, когда школьники сдают экзамены дважды, или по новой, когда баллы, набранные во время выпускных испытаний (ЕГЭ) засчитываются при поступлении в вуз. Но переход из одной образовательной системы в другую наиболее проблематичен: он является конкурсным, а потому есть победители и проигравшие, он требует специальной подготовки, иногда весьма длительной, и именно от успешности в этом конкурсе, по мнению основной части общества, зависит судьба миллионов молодых людей.

При анализе СМИ и, особенно, Интернет-форумов и Интернет-дневников создается впечатление, что страсти по ЕГЭ кипят даже сильнее, чем по поводу экономического кризиса, а в социальной сфере нет более больного места,

чем это. В связи с ЕГЭ создан портал с экспрессивным названием «Спасем российскую школу»², на котором существует коалиция «НЕТ ЕГЭ!», в которую приглашают вступить всех желающих. Против ЕГЭ резко выступает спикер Госдумы, председатель партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов, по мнению которого «Единый госэкзамен — это инструмент коррупции среднего и высшего образования сверху донизу»³. Более того, «Миронов уверен, что безответственные эксперименты над образовательной системой могут закончиться ее окончательной деградацией и развалом»⁴. Какой же силой должен обладать способ аттестации знаний, чтобы быть в состоянии разрушить всю систему образования?!

В статье «ЕГЭ сделает Россию малограмотной?» президент Всероссийского фонда образования Сергей Комков заявил, что проведение ЕГЭ является нарушением Конституции Российской Федерации⁵. И действительно, летом 2008 г. группа родителей выпускников пыталась подать иск в Конституционный суд на предмет проверки того, насколько Единый госэкзамен соответствует российской Конституции⁶. Противниками ЕГЭ являются многие правозащитники⁷ и политики⁸. Много ли мы помним проявлений такой массовой социальной активности в последние годы?

Но и это еще не все. Летом 2008 г., когда стали известны результаты ЕГЭ по русскому языку и математике, которые впервые сдавали все российские выпускники, страницы печати запестрели заголовками такого рода: «ЕГЭ довел девочку до самоубийства»⁹, «ЕГЭ довел

¹ Летом 2008 г. я набрала в Яндексе аббревиатуру ЕГЭ. В ответ на мой запрос было найдено 7 млн. страниц, в марте 2009 — 10 млн., а в сентябре — уже 16 млн. страниц. Это один из лидеров запросов в Интернете. Конечно, число таких запросов по ЕГЭ уступает теме «Путин» — 63 млн. страниц, но опережает число запросов по темам «Сталин» — 14 млн., «Евровидение» — 13 млн. и, например, «Олимпиада в Сочи» — 6 млн.

² http://spasem-shkolu.p-rossii.ru/20/256_1.shtml

³ <http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=8BBFE3673B0C424298ADFE81BC3E136>

⁴ Там же.

⁵ <http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=6EB9C8868D544741A931EFE28E63C626>

⁶ http://zakon.edu.ru/news.asp?ob_no=13258

⁷ <http://www.novayagazeta.ru/st/online/540929/>

⁸ Дмитриева О. ЕГЭ — это экстрим. <http://vz.ru/society/2009/2/2/252333.html>

⁹ <http://www.ctege.org/page.php?pageid=3403>

отличницу до самоубийства»¹, «ЕГЭ убивает школьников»². Правда, вскоре выяснилось, что покончила с собой после неудачного экзамена 9-классница, а в девятом классе ЕГЭ не сдают, но все равно этот трагический случай остался в общественном мнении связанным именно с пресловутым единым экзаменом.

Эта проблематика обсуждалась в программе «Пусть говорят» Андрея Малахова, где рыдающие выпускница и ее мама говорили, что ЕГЭ разрушил жизнь девочки и всей ее семьи. Безутешная девочка рассказывала, что с первого класса мама ориентировала ее только на медаль, но из-за скромной оценки за ЕГЭ она медали лишилась и не хочет больше жить. Мама вторила дочке, заявляя, что поставила на карту всю свою жизнь, лишь бы дочь стала медалисткой, и это обязательно случилось бы, если бы девочка сдавала экзамены в школе. Она больше не знает, как жить³. Так что проблема ЕГЭ из образовательной сферы перешла в область экзистенциальную, жизни и смерти.

А летом и осенью 2009 г., когда ЕГЭ перестал быть экспериментом, по его результатам проходил набор во все вузы, в ход пошла традиционно наиболее сильная риторика: ксенофобская, чего не происходило в предыдущие годы. Причины и характер использования антикавказской риторики для борьбы с ЕГЭ будут рассмотрены ниже, отметим только, что это, по видимому, самое сильное и беспроявленное оружие, которое применяется, если не сработали остальные. В этом смысле дискурс самоубийств, т. е. смертельной опасности таких экзаменов для людей, оказался менее сильным, чем апелляция ко ксенофобским чувствам.

Для того чтобы разобраться, почему вокруг ЕГЭ кипят такие невероятные страсти, действительно ли он разрушает и скоро разрушит всю систему российского среднего и высшего образования, я взяла серию интервью с учителями московских школ. Поскольку разговор был весьма откровенным, я не буду называть ни своих респондентов, ни номеров школ. Мы знаем, какие неприятности обрушились на голову учительницы Натальи Мелиховой, когда она показала «Новой газете» два журнала, которые существовали в ее школе: один — обычный, где фиксируются оценки школьников, второй — где

эти оценки корректируются, чтобы вытянуть выпускников на медаль⁴.

Практически общепринятым в нашей стране является мнение о том, что советское образование было лучшим в мире, но оно пострадало от реформ, а многие полагают, что именно ЕГЭ — это гвоздь в крышку гроба бывшего лучшего образования. Если отменить ЕГЭ, то еще можно что-то спасти.

Я не буду сейчас возвращаться к советским временам и спустя 20 лет оценивать тогдашнюю ситуацию в области образования. В данной работе будет анализироваться уже существующая ситуация и роль ЕГЭ в ее дальнейшем развитии.

Российское образование: результаты международных исследований. Международное исследование образовательных достижений учащихся (PISA) проводится раз в три года. Россия принимала участие в четырех из них (2000, 2003, 2006 и в 2009⁵ гг.). От раза к разу география исследования расширяется: в 2000 г. было 32 страны-участницы, в 2003 — 41, а в 2006 — уже 40 тысяч участников из 57 стран мира. В России в исследовании 2006 г. приняли участие 6154 15-летних подростков из 210 образовательных учреждений 46 регионов⁶, половина участников — 10-классники средней школы. Полученные данные являются репрезентативными для России.

В ходе исследования ребятам даются письменные тесты, касающиеся математики, естественных наук, грамотности чтения, а также умения решать проблемы. При этом от подростков требуется умение логически мыслить, сопоставлять факты, делать выводы и здраво рассуждать. В тестах рассматриваются ситуации, взятые из реальной жизни. Несмотря на значительные сходства, каждое исследование имеет тематическую специфику, упор делается на отдельные сегменты знаний и умений подростков.

Результаты первого же исследования PISA, в котором приняли участие россияне, вызвало шок в педагогическом сообществе: по всем трем компонентам исследования наши подростки оказались в третьей десятке среди 32 стран. Тремя годами позже (в 2003 г.) ситуация не улучшилась: по чтению, пониманию прочитанного

¹ <http://www.dni.ru/incidents/2008/6/10/143899.html>

² <http://www.novoteka.ru/sevent/4123493>

³ Отметим, что Андрей Малахов пытался вразумить маму девочки, объяснить, что школьная медаль никак не может быть целью жизни, но убедить героиню программы, как и аудиторию, собравшуюся в студии, ему не удалось.

⁴ <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/72/16.html>

⁵ Результаты исследования, проведенного весной 2009 г., будут опубликованы в декабре 2010 г., поэтому здесь не анализируются.

⁶ PISA-2006 Отчет «Основные результаты международного исследования образовательных достижений учащихся PISA-2006». <http://www.centeroko.ru/public.htm>

Россия оказалась на 32 месте среди 41 страны, по естественным наукам — на 24, а по математике — на 29. И это при том, что наши школьники исправно занимают призовые места на олимпиадах по математике, физике и программированию, становятся чемпионами мира. Прошло еще три года, и вновь никаких позитивных сдвигов: 37-40 место по чтению, 32-36 — по математике и 33-38 — по естественно-научному знанию. А число званий и регалий на всемирных и других международных олимпиадах у ровесников тех, кто принял участие в исследовании, за это время еще увеличилось. Так что, с одной стороны, российское образование позволяет талантливым детям достичь блестящих успехов, с другой — знания и умения обычных школьников, т. е. деятельность системы среднего образования в целом, сложно назвать даже удовлетворительными. В последние десятилетия сложилась и все более усугубляется ситуация, когда разрыв между сильным, элитарным и массовым образованием все больше растет. Казалось бы, ЕГЭ не имеет к этому прямого отношения, но ниже мы покажем, что это не так.

Через государственную школу проходит практически все население России. Даже в Москве и Санкт-Петербурге частное школьное образование затрагивает минимальную часть детей, не получило сколь бы то ни было значительного распространения. При этом качество современной массовой школы не удовлетворяет большинство наших соотечественников: по опросам Левада-Центра, только четверть населения удовлетворены качеством современного образования, а не удовлетворенных им почти вдвое больше¹. Если в 2000 г. четверть россиян полагали, что сейчас учат лучше, чем во времена их обучения в школе, а треть — хуже, то в 2006 г. число «оптимистов» сократилось до 18%, а «пессимистов» выросло до 43². При этом 60% жителей России полагают, что для будущей карьеры ребенка важно хорошо учиться в школе. Так что хорошо учиться в школе очень важно (и это при том, что в 2007 г. лишь 17% жителей России полагали: что знания — это главное для поступления в вуз), но учат в школе плохо.

Из любой неблагоприятной ситуации, тем более затрагивающей социум в целом, всегда

ищется и находится какой-то выход, так происходит и со школой. Раз массовая школа не удовлетворяет запросам, значит, нужно искать не массовую школу, а «хорошую». И вот в городах, и чем крупнее город, чем больше в нем школ, тем более явной становится тенденция: одной из важнейших родительских забот является выбор подходящей школы. На многочисленных Интернет-форумах обсуждаются достоинства и недостатки школ, гимназий и лицеев, даже конкретных учителей³. В журналах и на Интернет-сайтах публикуются многочисленные рейтинги школ⁴, и интерес к этим рейтингам огромен. К поступлению в подходящую школу готовятся загодя: год или два ребенок посещает платные подготовительные курсы, которые еще и не дают гарантии поступления. В престижную школу поступить иногда труднее, чем в престижный вуз. Но сильная школа, а потом еще репетиторы — все это в дальнейшем дает возможность стать студентом престижного же вуза и сделать карьеру. Поступление в «правильную» школу сегодня превратилось в первое нажатие кнопки социального лифта. Вторым нажатием станет через 11 лет собственно поступление в вуз.

Но что делать тем, кто отдал ребенка в обычную массовую школу? Такие школы стали не слишком почтительно называть «дворовыми». В значительной части случаев ребенок окажется в ситуации достаточно слабого окружения одноклассников, с которыми не слишком активно занимаются родители, детей, не имеющих ранних навыков интеллектуальной деятельности. В такой школе часто формируется негативное отношение к самому образовательному процессу и к детям, на этот процесс ориентированным, культ силы, маскулинности. Очень остро переживают многие родители и то, что в обычной школе их дети будут окружены детьми-кавказцами. Эту проблему иногда политкорректно определяют как «контингент», а иногда пишут без всяких эвфемизмов: «В школу номер такой-то своего ребенка не отдам — там учатся одни черные».

А на выходе из такой школы значительная часть детей, по мнению образованных родителей, уже не сможет претендовать на поступление в сильный институт и дальнейшую карьеру. Более того, в массовой школе немалую часть

¹ <http://www.levada.ru%2Feducation.html&text=%EB%E5%E2%E0%E4%E0-%F6>

² Это свидетельствует, не только о том, что, по мнению людей, российская школа учит все хуже, но и о том, что советское школьное образование все больше воспринимается как образцовое. Отсюда, кстати, позитивное отношение к возвращению таких элементов советского прошлого, как обязательная школьная форма и единые учебники.

³ См., например, конференции «Школьное образование». «Подростки», «Дети от 7 до 10 лет» и пр. на сайте «7я.ру» <http://www.7ya.ru/>.

⁴ http://www.mosparents.ru/ru/education/best_schools_moscow/, <http://www.ucheba.ru/school-rating/63.html>, <http://www.proorientator.ru/ucheba/school.html>, <http://ratings.7ya.ru/schools/>

обучающихся составляют те, для кого в силу разных причин школьные программы просто слишком сложны. Им тяжело, подчас просто невозможно учиться в старших классах, но деваться некуда, школа обязана их обучать и выпустить с аттестатом о среднем образовании.

Аттестат нужен практически каждому хотя бы потому, что высшее образование у нас стало практически обязательной нормой для всех выпускников. Этого не было в советское время, тогда существовали другие закономерности: например, у родителей, имеющих высшее образование, дети шли в институты, для остальных это не было обязательным. Что мы видим теперь? Только 1% участников всероссийского опроса Левада-Центра полагают, что неполное среднее образование достаточно для их детей и внуков, еще 4% считают достаточным образование в размере средней школы¹. Это означает, что средняя школа сегодня — лишь плацдарм для получения «настоящего» образования. Ее дело чему-то научить (чему, это уже зависит от амбиций родителей, школу выбирающих) и выпустить. А вот после этого речь пойдет собственно об образовании. Для 56% это итоговое образование — вуз, еще для 18% — второе высшее и аспирантура. Мы столкнулись с новым социальным феноменом, который до конца еще не осознали — людей, стремящихся, чтобы их дети получили два высших образования или ученую степень, лишь немногим меньше, чем было в советское время ориентированных на получение их детьми высшего образования². Но если вуз — норма для всех, то два высших — для тех, кого раньше называли интеллигенцией, а теперь чаще средним классом. Немалую часть остальных на выходе из школы ожидает вуз попроще, иногда частный, где нет вступительных экзаменов или эти экзамены номинальны. И вот здесь ЕГЭ начинает создавать проблемы.

Кому мешает ЕГЭ? Школа. Во время выпускных экзаменов каждая школа прилагает все усилия, чтобы у ребят не было двоек. Это норма, которая практически никогда не нарушается. Даже самые слабые выпускники получают свои тройки, а с ними и аттестат, после чего учителя с облегчением с ними прощаются.

¹ <http://www.levada.ru/education.html>

² При этом среди студентов государственных вузов больше тех, родители которых имеют высшее образование, а среди студентов частных, более доступных для поступления вузов, — тех, чьи родители в институте не учились, а потому в меньшей степени были озабочены выбором сильной школы, да и помочь детям в процессе школьного обучения им было труднее.

На противоположном полюсе находятся ребята, которым «требуется» медаль. Если требуется, они ее, вероятнее всего, получают. Во время экзаменов в школе учителя всегда могут им «помочь», что повсеместно и делается³.

Наличие единого экзамена предполагает государственный стандарт образования, поскольку все: и сильные, и слабые — сдают одни и те же тесты, которые (в идеале) оцениваются одним и тем же образом. Формально такого стандарта пока не существует, но фактически ЕГЭ этим стандартом и становится⁴. И вот здесь возникают практически неразрешимые проблемы. Выпустить с аттестатом нужно всех, а знаний, даже для минимального уровня «А», у многих нет. В старой ситуации проблем здесь не возникало, а ЕГЭ их создал, причем неудовлетворительно для обеих сторон. В 2008 г. более 20% выпускников, писавших ЕГЭ по математике, получили двойки. Да, это обнажило проблемы образования, но что с ними делать дальше, если не касаться вещей содержательных, т. е. уровня школьного преподавания и усвоения знаний?

Учителя и школьники активно начали решать эту проблему: подсказки по мобильным телефонам, например. Но всем не поможешь, и не везде можно было такого рода приемы применять. Для учителей положительные оценки их учеников чрезвычайно важны еще и потому, что они уверены: ЕГЭ ставит оценки не только ученикам, но и им самим, что учителям придется отвечать за них перед органами образования, да и перед родителями тоже.

Оказалось, что уже на этом этапе необходима помощь еще одного субъекта взаимодействия — государственных органов образования, да и у государства в целом. Что можно было сделать в такой ситуации? Повторю, «успешно» выпустить из школы надо всех или почти всех. Казалось бы, ответ очевиден: сделать задания ЕГЭ максимально простыми, чтобы все могли с ними справиться. Но тогда у очень большого числа сильных школьников будут слишком высокие отметки, и это создаст проблемы при поступлении в вузы.

³ История с переписыванием школьных журналов в интересах «желающих» получить медаль, по-видимому, являлась массовой. По крайней мере, об этом мне сообщили все респонденты — московские учителя, у которых я брала интервью весной 2008 г., когда медаль еще давала льготы при поступлении в вуз. Они говорили, что наличие не только «настоящих», но и «липовых» медалистов не являлось тайной ни для учителей, ни для школьников, которые наблюдали за процессом «вытягивания» медалистов на всех этапах: от школьных уроков до выпускных экзаменов.

⁴ Другое дело, что сами материалы часто далеки от совершенства, а потому вызывают огромное количество нареканий.

Эта ситуация предполагает только один способ решения: максимальное упрощение первой части тестов, чтобы с ними справлялись все или почти все школьники, и нормальный, достаточно сложный уровень двух остальных частей, чтобы происходило четкое дифференцирование набранных баллов. Тогда будет воспроизводиться существующая ситуация, когда ориентированная на всех без исключения детей школа обеспечивает им получения аттестата, не гарантируя знаний. А уж сами выпускники имеют возможность распорядиться этим аттестатом, передав его в вузы, на которые могут претендовать. После неудачного опыта 2008 г. порог положительной оценки по математике опустили до 21 балла, что и позволило почти всем выпускникам получить аттестаты¹. По мнению учителей математики, у которых я брала интервью, получить искомый балл было возможно даже случайным выбором ответа. Тем более, что получившие «неуд» сдавали тест еще и повторно², причем, по мнению главы Рособнадзора Любови Глебовой, многим сдававшим ЕГЭ повторно «помогали» получать тройки³.

А значит, школа свою функцию выполнила — дала возможность выпускникам продолжить образование. Разброс требований при поступлении в вуз велик, и это хорошо, потому что для слабых выпускников вуз фактически берет на себя ту функцию, которую не в состоянии выполнить школа: дает что-то вроде окончательного среднего образования. Когда говорят о «высшей школе», второе слово в этой композиции приобретает совершенно точное значение.

Школьный способ функционирования не слишком престижных, зачастую частных вузов четко виден вот на каком примере. Я много лет преподавала в одном частном университете и заметила странную тенденцию: уровень начальной подготовки студентов с каждым годом падал, а их грамотность росла. Выяснилось, что

в институте начали на вполне школьном уровне преподавать русский язык. Сначала только на 1-м курсе, потом и на 2-м тоже, а затем в течение четырех лет обучения. В результате, ребята, которые пришли в институт практически неграмотными, хотя успешно написали сочинение, сдали школьные экзамены, к моменту получения диплома уже научились относительно грамотно писать. Во всяком случае, слово «учусь» они писали уже не через «ю», как на первом курсе⁴. Но как с такими знаниями сдавать обязательный ЕГЭ по русскому языку? Если на экзамене по математике вместо логарифмов и производных можно предложить тесты на таблицу умножения, то какие доступные для всех тесты давать на экзамене по русскому языку? Только снижая минимальный балл, что благополучно и делается.

Я не ишу путей законсервировать сложившуюся систему, когда школьное образование на выходе скрывает отсутствие у школьников минимально требуемых программой знаний, не пишу о необходимости повышения качества образования в школе. Это очевидно, как очевидно и то, что нет понимания, как этого достичь. А учить и выпускать «в большую жизнь» всех детей без исключения нужно уже сегодня. Без аттестата у них нет никакого будущего, более того, они будут представлять большую опасность для общества. При традиционной системе обмана и приписок у них есть возможность пойти в вуз — школу второй ступени, а без аттестата это невозможно. Это очень серьезная проблема, поскольку таких ребят очень много.

То, что почти четверть школьников не справилась в 2008 г. с экзаменом по математике, нормальный результат, так как даже в идеальной ситуации все без исключения со школьной программой справиться не могут. Другое дело, что эти двойки создают такие социальные проблемы, что они оказались социально неприемлемыми. Если раньше тройки «рисовала» школа, то теперь этим занимается уже государство, и это в чем-то облегчило жизнь школы, частично снимая с нее обязанность заниматься обманом и подлогами вроде переписывания журналов.

¹ Дело в том, что в 2008 году двоек, строго говоря, не было — всем, не получившим положительного результата, даже сдавшим пустой лист бумаги, ставилась положительная оценка, а в 2009 г. этого делать не предполагалось, что и вызвало панику накануне экзаменов.

² Отметим, что в общественном дискурсе вообще эти двойки рассматривались не как достоинство ЕГЭ — большая честность, отсутствие приписок, а как его недостаток. В частности в своем интервью «Новой Газете» накануне ЕГЭ-2009 Сергей Комков и Людмила Алексеева сетовали на то, что в результате ЕГЭ по разным оценкам от 100–120 до 400–500 тыс. выпускников (т. е. половина) получают двойки, останутся без аттестата и не смогут получить высшее образование. Иными словами, «липовые тройки» — это нормальная, социально позитивная ситуация. См.: <http://www.novayagazeta.ru/st/online/540929>

³ <http://www.izvestia.ru/education1/article3132562/>

⁴ Я не случайно привела пример правописания именно этого слова. Более 20 лет назад, в середине 1980-х гг. я начала работать с анкетами, заполненными молодежью, и была потрясена тем, что примерно в половине случаев было написано «учюсь». А в одной анкете молодой человек написал это слово даже как «учёсь», с точками над ё. Так что почти поголовная неграмотность появилась не в последние годы, а значительно раньше. Видимо, не все было замечательно с уровнем образования и в советское время.

Хуже другое: у большинства остальных выпускников оценка была бы в пересчете не выше тройки. Менее половины из 100 тестовых баллов по математике в 2008 г. получили почти 4/5, а более 80 баллов — лишь 2,9%. То есть с программой по этому предмету плохо справляются большинство выпускников, а значит, программа является скорее номинальной, чем обязательной, реализуемой. В 2009 г., когда проблема доек была решена, высокие результаты оказались тоже редкостью: в среднем по России с общим результатом по ЕГЭ выше 80 баллов оказались лишь 1,3% выпускников¹ и даже в благополучной Москве — 3,3%. Иными словами, хорошо усваивают школьную программу абсолютное меньшинство школьников.

С такими плачевными результатами очень трудно согласиться, не хватает психологической готовности принять такую ситуацию. Раньше в этом было принято обвинять сложность школьной программы (возможно, и справедливо), а теперь такая неудовлетворенность переносится на ЕГЭ.

Первое из такого рода обвинений, наверное, в немалой степени справедливое, касается качества тестов. По поводу заданий ЕГЭ по математике я опросила целый ряд учителей (преимущественно из спецшкол), и они находят качество заданий не очень хорошим, но удовлетворительным². Никто не сказал, что эти тесты хуже, чем задания на традиционных экзаменах. Только к небольшой части заданий предъявлялись претензии, да еще возражения вызвало то, что в тестах очень мало заданий по геометрии.

Вторая претензия касается следующего: дети пишут ЕГЭ вне родной школы, в незнакомой обстановке, без любимых учителей. В переводе на обычный язык это означает, что ребятам некому помочь и потому результаты всегда будут ниже, чем в стенах родной школы. К этой же группе относятся высказывания, что учителя знают ребенка, его способности и возможности, если он переволновался, то они это поймут и учтут при выставлении оценки. Можно не сомневаться, что в большинстве случаев, конечно, учтут. Но тогда надо ответить на вопрос: зачем нужны выпускные экзамены? Достаточно выставить в аттестат годовые отметки. А если

¹ <http://www.izvestia.ru/education1/article3132562/>

² Хотя находят явно неправильным и несправедливым, что за одну нерешенную задачу в части С снимается сразу 13 баллов, но этот недостаток как раз легко исправить. См.: Мы живем на границе возможного и разрешенного. Интервью с директором московской 57 школы Сергеем Менделевичем. <http://polit.ru/science/2009/08/31/mendelevich.html>

экзамен — это оценка именно ответа, решения, то при чем тут прежние успехи?

Третья претензия — тесты всегда письменные, возможны случайные ошибки, описки. При устном ответе учитель их может «простить», а жестокая и бездушная машина ЕГЭ к этому не способна. Надо сказать, что более половины участников всероссийского опроса Левада-Центра (54%) полагают, что с помощью устных экзаменов можно точнее определить уровень знаний школьников, и ровно вдвое меньшее число ответивших (27%) придерживаются противоположной точки зрения³. Правда, ответ на вопрос о том, какой экзамен более «честный», где появляется меньше возможностей для злоупотреблений, оказался гораздо менее очевидным, мнения сблизились. Более «честным» устный экзамен считают 43%, а письменный тест — 35%. Но ведь и вступительные экзамены в вузы, как и ЕГЭ, практически повсеместно проводятся сейчас в письменной, а не в устной форме.

И, наконец, четвертое — тесты оценивают «натасканность», а не умение нестандартно мыслить. Талантливые, нестандартные дети пройти это жесткое сито имеют гораздо меньше возможностей, чем унылые зубрилы. Наверное, это действительно проблема, но о ней мы поговорим ниже. Отметим только, что письменный вступительный экзамен здесь ничем не отличается от ЕГЭ: тоже требует точности и карает за ошибки, даже случайные.

Казалось бы, надо радоваться тому, что ЕГЭ вскрыл нарыв — показал, что современная массовая российская школа учит далеко не всех и далеко не всему, что предусмотрено программой, открыл, наконец, правду, «какой бы горькой она ни была». Когда я высказывала такую точку зрения во время бесед с учителями, причем хорошими учителями из хороших школ, то слышала в ответ примерно следующее: «Мы-то действительно учим детей, у нас и с ЕГЭ проблем нет. А что творится в дворовых школах, и так все знают. Кому нужно доказывать, что дети выходят из школы без знаний? И что с этими детьми дальше делать? Оставлять на второй год в 11-м классе? Отправлять на улицу?» Так что не нашлось субъектов, чтобы узнать эту правду. Как справедливо замечали мои респонденты: «А кто этого не знает?» Решение нравственных проблем, какими бы болезненными они ни были, привело бы к появлению проблем гораздо более серьезных.

³ <http://www.levada.ru/education.html>

Не случайно в Государственной Думе выдвигалось предложение отказаться от ЕГЭ на время кризиса, а точнее было бы сказать: **пока** на время кризиса! Этой цели пытались добиться и в Москве, где результаты ЕГЭ не слишком сильно отличаются от общероссийских — в 2008 г. было получено столько же двоек по математике, как в других регионах, хотя, как отмечалось, доля ЕГЭ с высокими результатами здесь значительно выше. На заседании столичного правительства в ходе рассмотрения городской целевой программы «Столичное образование — 5» на 2009–2011 гг. глава Департамента образования Москвы Ольга Ларионова сделала заявление по поводу корректности ЕГЭ как инструмента оценки знаний выпускников: «ЕГЭ не должен быть единственной формой оценки успешности наших выпускников. Мы должны смотреть на так называемое портфолио ребенка, то есть просматривать то, как он учился все время пребывания в школе с первого класса... Механическая оценка знаний не всегда хороша»¹. Понятно, что этот гуманный подход фактически дезавуирует ЕГЭ с его однозначностью оценок.

Интервью с московскими учителями показало, что негативное отношение массовой школы к ЕГЭ имеет и еще одну причину. До введения ЕГЭ делом школы было чему-то научить и выпустить учеников. Все прекрасно знали, что школьные и вузовские требования очень сильно расходятся и для подготовки в вуз требуется репетиторство, предпочтительно преподавателями того же вуза. От школы (в очередной раз повторю, массовой городской школы) давно уже перестали требовать, чтобы полученных ее выпускниками знаний было достаточно для поступления в престижный вуз. А теперь через ЕГЭ, как замечательно сформулировала одна из учительниц, «вуз приблизился к школе, задышал нам в лицо». Это означает, что родители стали гораздо большего требовать от школы: чтобы она выпускала ребят с хорошими отметками, позволяющими им поступить в институт, где есть конкурс.

Институт. Школы борются за сильных детей, поскольку хорошие выпускники создают им имидж. Это особенно важно в современной ситуации, когда по демографическим причинам число детей невелико. По тем же причинам за сильных абитуриентов борются вузы, особенно сильные, престижные. Чем выше конкурс, чем больше желающих и строже отбор, тем луч-

ше. Но наличие конкурса, когда принимают не всех, у нас неизбежно приводит к появлению коррупционной составляющей.

Наши сограждане знают, что поступление в вуз требует денег, они к этому привыкли, это превратилось в своего рода норму. Это очень четко характеризуют ответы россиян на вопрос Левада-Центра: «Что сейчас более всего необходимо для поступления в высшее учебное заведение?» Ответ «Знания» дали только 17% участников опроса, еще меньшее число ответов пришлось на «Связи» — 13%, а 2/3 (67%) выбрали вариант ответа «Деньги». Если же просуммировать ответы «Связи» и «Деньги», то мы получим 80%, т. е. 4/5 россиян не связывают возможность поступить в вуз со знаниями абитуриентов или, в лучшем случае, только со знаниями. Если это частный (неконкурентный) вуз или платное отделение не слишком престижного госвуза, то выбор ответа «Деньги» понятен: заплатил и учись либо заплатил, позанимался на подготовительных курсах или с репетиторами, и ты студент. Но такой ответ выбирали и родители студентов бюджетных отделений.

Сложилась определенная система, когда всем было более или менее ясно, что надо делать и как себя вести. Эта система работала, работала неплохо, хотя вызывала и вызывает всеобщее возмущение: мы участвуем в коррупционных отношениях, но они вызывают у нас чувство праведного негодования. Но при этом мы упускаем из виду важное обстоятельство: традиционно принято было считать, что в институт идут мотивированные молодые люди, рвущиеся к знаниям вообще и к получению конкретной специальности, в частности. А инициация жесткими, иногда жестокими вступительными экзаменами — это проверка на соответствие этим требованиям. Не будем обсуждать, существовала ли когда-либо такая ситуация в реальности, но сейчас она точно отсутствует. Как известно, около 70% выпускников вузов не работают по специальности, об этом говорят разные исследования и разные оценки².

Более того, в большинстве случаев вуз не выбирает для получения конкретной специальности как обязательного будущего места работы. В течение семи лет я проводила опрос студентов скромного частного вуза, а в течение двух — престижного государственного, где изучала мотивацию студентов при поступлении

¹ <http://www.km.ru/magazin/view.asp?id={D23348CA-2EA1-43C6-B535-3862ABA37797}>

² http://www.hrmonitor.ru/index.php?pname=news&news_id=4866, <http://www.zarplata.ru/n-id-14230.html>, <http://www.volgainform.ru/allnews/848732>, <http://www.faito.ru/archnews/1182632184,1194342915>

в вуз и их ориентацию на работу по специальности после получения специальности. Уровень студентов этих двух вузов очень сильно различается, есть и мотивационная специфика, но выяснились и общие черты. Во-первых, мотивация выбора вуза в обоих случаях слабо коррелирует с интересом к профессии¹.

Частный вуз выбирают в основном потому, что необходимо соответствовать норме — получить высшее образование, а шансы поступить в серьезный вуз невелики. Здесь же можно учиться, не сдавая экзаменов. После введения ЕГЭ — имея аттестат с любыми оценками. А выбор факультета (среди других факторов) во многом определяется представлением о том, какая профессия престижна и может стать социальным лифтом для людей, преимущественно находящихся в слабом положении, в этом лифте нуждающихся. Получение знаний лишь в некоторых случаях воспринимается как возможность быстрее подняться по социальной лестнице: в среднем гораздо более высоко оценивается профессиональный опыт, накопленный в процессе работы во время обучения в институте, совсем не обязательно по той специальности, к которой они готовятся. Как уже отмечалось выше, институт большинству своих студентов обеспечивает минимальную социализацию — умение относительно грамотно писать, прочесть какие-то книги, научиться устно выразить мысль и пр.

Несколько иная ситуация в престижном государственном вузе. Здесь в гораздо меньшей степени присутствует отношение к вузу как к социальному лифту, поскольку большинство студентов растут в семьях, находящихся на значительно более высокой ступени социальной иерархии. Многие из них учатся в хороших школах, занимаются с репетиторами, т. е. возможность выбрать вуз у них гораздо шире. Но лишь незначительная их часть при поступлении ориентировалась на выбор специальности: главное — поступить в вуз с хорошей репутацией, получить в нем достаточно широкое образование, а уже потом думать о той сфере, где они будут работать, делать карьеру. Здесь очень широко распространена идея о том, что бакалавриат — это первая ступенька, когда еще рано думать о будущем. Вопрос о специальности — это дело магистратуры или второго высшего образования (иногда в России, иногда за рубежом). И в этом случае можно говорить

¹ Я не буду говорить о такой очевидной вещи, что вуз для многих молодых людей — это способ не идти в армию или хотя бы отсрочить призыв.

о том, что при выборе вуза и факультета мотивация в слабой степени связана с получением конкретной специальности и, следовательно, получением знаний именно в данной области. Но представление о перспективных и бесперспективных специальностях — фактор очень важный и в этом случае.

При всеобщей ориентации на получение высшего образования интерес к специальности и не может быть решающим фактором хотя бы потому, что подростки в большинстве своем мало что знают о той специальности, которую собираются получать. Очень часто это не их выбор, а выбор родителей. К тому же выбор вуза, который происходит на конкурсной основе, — всегда поиск компромисса между желаемым и реальным, а потому и вузы, заявляющие о том, что какая-то форма набора дает им мотивированных студентов, либо лукавят, либо скрывают подлинные мотивы своих заявлений. В современной ситуации прием в вузы (за некоторыми исключениями, разумеется) представляет набор людей, которые по уровню своих знаний в принципе способны здесь учиться. Не больше, но и не меньше.

Поэтому я не думаю, что в мотивационном смысле прием в вузы на основе ЕГЭ что-то меняет в худшую сторону, как это ему инкриминируют некоторые руководители вузов². Действительно, получив в результате возможность подавать документы в большое число вузов, абитуриенты так и поступили, что привело к чудовищной неразберихе при наборе. Но они именно потому так и поступили, что им, в общем, все равно, куда поступать и кем стать, финансистом или, допустим, психологом, или социологом. ЕГЭ не снизил мотивацию, а продемонстрировал, что она у большинства абитуриентов низкая.

² Об этом руководители вузов говорили в программе «Родительское собрание» на радиостанции «Эхо Москвы». А. Кутузов, ректор Московского гуманитарного педагогического института: «Результат, который ЕГЭ дает, давайте считать его условно презентабельным. Условно, потому что для ВУЗа важна мотивация, а вот есть мотивация или нет мотивации, это мы посмотрим. Я думаю, что к несчастью в силу массы причин мотивация этого года резко упала». М. Искендаров, ректор Финансовой академии при правительстве РФ: «Теряется весь смысл нашей работы со школами, когда мы говорили о профориентационной работе, когда мы знали, что этот человек придёт, что он настроился именно стать финансистом. А ему сейчас всё равно, он рад поступить на любое бюджетное место хоть куда». Г. Канторович, проректор ГУ-ВШЭ: «Особенность этого года, что во всех ВУЗах, особенно в ведущих, давайте я другое слово употреблю, много случайных людей. Это одна из основных особенностей, потеряли люди ориентиры, и на всякий случай пробегим везде, ведь ничего не стоит, надо отдать». — <http://echo.msk.ru/programs/assembly/613971-echo/>

ЕГЭ оказывается нежелательным, поскольку он ломает сложившуюся систему, в общем приемлемую для всех субъектов взаимодействия при наборе студентов в вузы. Сломалась и пока не сформировалась в новом виде система набора в ситуации, когда можно подавать документы хоть во все вузы¹. ЕГЭ может стать угрозой для частных вузов, которым в связи с сокращением (из-за «демографической дыры») числа выпускников и так не хватает студентов, а в связи с экономическим кризисом и снижением финансовой состоятельности людей их будет не хватать еще больше.

Достаточно неожиданной оказалась еще одна проблема, которую наглядно продемонстрировал и обострил ЕГЭ: почти полное отсутствие у школьников знаний по отдельным предметам, которые учитывают вузы, но не ЕГЭ. О ней говорит категорическая противница ЕГЭ, депутат Госдумы Оксана Дмитриева. В качестве сильного аргумента против ЕГЭ она заявляет, что из-за его введения Россия потеряет технические вузы. Аргументация здесь такая: всем, в том числе руководству и преподавателям технических вузов, известно, что школа очень плохо учит физике, у школьников нет знаний, чтобы сдать ЕГЭ по этому предмету. Раньше таких абитуриентов все-таки принимали в технические вузы и уже там дотягивали до необходимого уровня, ликвидировали основные лакуны школьного образования. Школьники понимают, что ЕГЭ по физике они не сдадут, а потому не пойдут в технические вузы, в которых будет недобор, что совершенно недопустимо, поскольку страна лишится инженерных кадров².

Но все же для государственных вузов главная проблема — всем понятная опасность снижения запроса на услуги репетиторов. Нужно искать какие-то другие способы получения доходов, а значит, родителям выпускников надо быстро сориентироваться в новой, непривычной ситуации.

Если верить родителям старшеклассников, то поиск в этом направлении уже идет. В частности с помощью вузовских олимпиад, победители которых имеют право на поступление. В 2009 г. право проводить такие олимпиады, победители которых получают 100 баллов по профильным предметам, получило более 100 вузов.

¹ Тут же появились многочисленные требования ограничить абитуриентов, чтобы они не имели возможности так «разбрасываться» своими документами. Но ведь ЕГЭ отчасти для того и принят, чтобы эти возможности были шире.

² См.: <http://www.echo.msk.ru/programs/klinch/580684-echo/>, <http://vz.ru/society/2009/2/2/252333.html>

И большинство таких олимпиад имеет четко выраженную коррупционную составляющую. Приведу два примера такого рода, размещенных на семейном сайте Интернета: «Была моя дочь давеча на олимпиаде в одном заштатном вузике. Потрясло то, что к некоторым абитуриентам подсаживались тетеньки-экзаменаторы и писали с ними работы в соавторстве! Вот мне подумалось, если в таких местах поступление куплено, то что же творится в приличных?» и «У меня сын писал олимпиаду в МИИТе в свое время. Та же самая картина: преподаватель решал и относил девушке на последней парте, а остальная аудитория злобно скрипела зубами и молчала. Бедные ребята!»³

Очевидно, что проблему коррупции ЕГЭ полностью решить не в состоянии, но переход на единый экзамен — шаг в этом направлении. Однако при крайне низких официальных доходах преподавателей вузов многие из них просто вынуждены жить за счет репетиторства и «помощи» студентам в процессе поступления, а в дальнейшем и обучения. Перенос акцента со вступительных экзаменов в вуз на школу (ЕГЭ) создает при этом много проблем. Оппоненты сразу возражат, что и к ЕГЭ надо готовить, что репетиторство при этом не исчезнет. Это так, но теперь им смогут столь же успешно заниматься не только вузовские преподаватели, но и школьные учителя, а это неизбежно приведет к снижению цен на подготовительные услуги. Если в большинстве популярных вузов была своя местная «специфика» в программе приемных экзаменов, которую нужно было знать для успешной их сдачи, а потому требовались репетиторы именно из этого вуза или хотя бы подготовительные курсы именно в нем, то ЕГЭ принципиально единообразен. Подготовить к сдаче ЕГЭ школьников, имеющих по предмету определенный уровень знаний, может любой специалист, включая сильных школьных учителей. Разумеется, университетское лобби стремится сохранить свои преимущества, а потому наиболее престижные вузы добиваются права проводить свои дополнительные экзамены, что, я думаю, будет и впредь.

Но, может быть, самым престижным вузам требуются особенно одаренные и особенно мотивированные абитуриенты, и обладатель аттестата с 95 баллами по требуемым предметам не в состоянии там учиться⁴? Приведу пример это

³ <http://conf.7ya.ru/frameSet.aspx?cnf=Teenagers>

⁴ Разумеется, речь не идет о творческих (музыкальных, театральных и пр.) и некоторых других (например, спортивных) вузах, где требуется особый дар, который с помощью ЕГЭ оценить нельзя. <http://www.volgainform.ru/allnews/848732>, <http://www.faito.ru/archnews/1182632184,1194342915>

опровергающий. Один из наименее коррупционных столичных вузов, ГУ–ВШЭ начал прием студентов по результатам ЕГЭ в первые годы его существования. А потом проводилось сравнение академических успехов студентов, поступивших по ЕГЭ и традиционным образом. Оказалось, что практически все студенты, поступившие по ЕГЭ, оказались в верхней трети рейтинга студентов, т. е. в среднем учатся лучше своих однокурсников, единого экзамена не сдававших. Так что набор студентов с помощью ЕГЭ вряд ли так уж опасен для хороших вузов. А вот для хороших школьников из глубинки он, несомненно, предпочтителен, поскольку к ЕГЭ при должной мотивации и достаточном трудолюбии можно готовиться самостоятельно. Во всяком случае, это проще, чем готовиться к традиционным экзаменам, где, кроме собственно знаний, часто нужны представления о специфичности требований в данном конкретном вузе. И вот здесь начинается наиболее острая борьба – борьба за ресурс.

Москва – для москвичей: борьба за дефицитный ресурс. Исследования показывают, что наиболее негативное отношение к ЕГЭ характерно для жителей Москвы¹. Не случайно в столице дольше всех воздерживались от участия в этом эксперименте, что позволяло столичным выпускникам поступать в вузы с помощью вступительных экзаменов.

В июле 2009 г. студенты соцфака МГУ под руководством сотрудников Левада-Центра провели опрос 800 выпускников московских школ, большинство из которых собирались поступать в столичные вузы. Это был момент, когда все ЕГЭ были сданы, документы, скорее всего, поданы в вузы, но зачисление еще не начиналось. Так что уверенности в том, что итоги ЕГЭ оказались успешными либо неудачными, еще не было, но 3/4 респондентов полагали, что студентами они станут². Это означает, что настрой у них был достаточно позитивным, большинство из них не считали, что из-за ЕГЭ разрушатся их жизненные планы.

По данным, предоставленным Левада-Центром, около половины респондентов считали, что результаты ЕГЭ соответствуют уровню имеющихся у них знаний, 5% получили более высокие баллы, чем они (по собственному

мнению), заслуживали, еще 9% полагали, что по одним предметам оценки выше заслуженных, по другим – ниже. Суммарно доля таких «необिженных» ЕГЭ абитуриентов составила 62% против 36 недовольных своими оценками. В общем, треть недовольных – это нормальная ситуация, хотя их было бы очевидно меньше при обычных выпускных экзаменах в школе, которые принимают свои собственные преподаватели. Выпускники/абитуриенты проявили лояльность к ЕГЭ и при ответе на вопрос «Как вы относитесь к отмене вступительных экзаменов в вузы и поступлению в вузы по результатам ЕГЭ, который сдается по окончании школы?» Можно предположить, что сдавать экзамены дважды тяжелее, чем только один раз, и 54% участников опроса высказались за такую систему положительно (целиком или частично), противников такой системы 39%. Но при этом лишь 16% московских абитуриентов полагают, что ЕГЭ точнее оценивает знания, чем обычные экзамены, против 49% придерживающихся противоположной точки зрения – разница трехкратная³.

В ходе ЕГЭ немалая часть выпускников имели возможность пользоваться «вспомогательными средствами» – шпаргалками (27%), мобильными телефонами (26%), учебниками (4%), подсказками преподавателей в зале (7%). Только 54% сказали, что никакой помощью они не пользовались, т. е. экзамен проходил действительно честно. Все-таки школьникам «помогали», и в этом ЕГЭ уже сблизился с обычным школьным экзаменом, хотя помощь во время ЕГЭ получить было все же сложнее.

ЕГЭ обладает немалым количеством очевидных недостатков, это ясно. Но все же у него есть и преимущество, заключающееся в том, что у выпускников из других регионов оказывается больше шансов на поступление в столичный вуз, чем это было прежде⁴. Но это амбивалентное достоинство – оно является таковым для иногородних, но очень сильным недостатком

³ По мнению 30%, разницы между этими системами в оценке знаний не существует.

⁴ Когда набор шел как москвичей по вступительным экзаменам, так и иногородних частично по ЕГЭ, то многие московские вузы закрывались от излишнего наплыва немосквичей тем, что ставили москвичам явно завышенные баллы, необходимые для поступления. В одном из престижных экономических вузов минимально необходимый для поступления балл ЕГЭ по математике составлял на разных факультетах от 95 до 98 баллов. Это ставило московских и немосковских абитуриентов в заведомо неравные условия. Проходной балл для москвичей был значительно ниже. Или по ЕГЭ принимали на менее престижные факультеты, ограждая их от иногородних обладателей даже наивысших ЕГЭ и пр.

¹ <http://bd.fom.ru/pdf/d26ege.pdf>

² Такая уверенность молодых людей была вполне обоснованной – их результаты ЕГЭ значительно превысили среднемосковский уровень. Вероятно, это связано с тем, что в выборку попало много детей из высокообразованных семей: у 71% из них отец имеет высшее образование, у 68,5 – мать.

для москвичей. Поэтому Москва стремилась максимально долго сохранить разделение способов приема «своих» (по обычным экзаменам) и «чужих» (по ЕГЭ). Это удавалось до 2008 г., когда и москвичи вынуждены были начать сдавать ЕГЭ по русскому и математике, а с 2009 г. и по всем остальным предметам.

Уровень претензий к ЕГЭ, способы его дискредитации прямо зависели от того, сколько экзаменов надо таким образом сдавать москвичам. Пока их было два, самым сильным оружием была жалость: страдания и волнения несчастных школьников, доведение самоубийства и пр. Когда все экзамены в Москве стали сдаваться по новой системе, пришлось использовать еще более «тяжелую артиллерию» — апеллировать к чувствам москвичей по отношению к приезжим, т. е. к кавказцам.

В СМИ появляется большое количество публикаций совершенно ксенофобского толка, которые массово перепубликовывались на многочисленных Интернет-сайтах, цитировались в блогах и Интернет-дневниках. Наиболее сильной и открытой оказалась большая публикация в газете «Комсомольская правда» под заголовком «Вузы захватили “отличники ЕГЭ”, плохо говорящие по-русски»¹ с подзаголовком «В этом году, пользуясь возможностью поступить в университеты по результатам ЕГЭ, в столицу хлынули тысячи абитуриентов со всей России». Далее сообщалось, что чуть ли не все места в престижных московских вузах заняли представители Южного округа, «причем иногда горячие кавказские парни начинают выяснять друг с другом отношения уже в очереди в приемную комиссию». Говорится о том шоке, которые испытали руководители вузов и члены приемных комиссий, получив явно липовые документы и о том, что «высокая концентрация студентов с Кавказа грозит новой волной межнациональных конфликтов в студенческой среде, считают руководители столичных вузов. И это не домыслы, а реальность». В главке «История вопроса» рассказывается о том, что «этнический беспредел» в Москве возник уже давно, но сейчас он может принять массовый характер, о бандитских студенческих группировках из числа кавказцев, о том, что с ними уже не справляются столичные правоохранительные силы и пр.

Устрашение продолжило информационное агентство «Новый регион» в статье: «Преподаватели бьют тревогу: вузы Москвы и Питера штурмуют неграмотные джигиты с сотнями

по ЕГЭ»², где сообщалось, что все заполнили безграмотные, но агрессивные «джигиты» из Чечни, Дагестана и Ингушетии. Причем если в столицах количество сдавших профильные ЕГЭ на 100 баллов едва достигает полутора сотен (в основном это выпускники специализированных школ), то в кавказских республиках «таких выращено — едва ли не четверо из каждых пяти выпускников». При этом «вундеркинды из глубинки» прямо и откровенно заявляют, что просто хотят «зацепиться в столице», чтобы «хорошо жить», им абсолютно наплевать и на избранную специальность, и на то, в какой вообще вуз они поступают: главное, — «чтобы поступить на бесплатное бюджетное место, и чтобы диплом был хоть чуть-чуть престижным, а учеба необременительной».

Нагнетание страстей так велико, что эта тема обсуждается повсеместно, причем противопоставляются талантливые, умные, образованные, но непробивные и бедные московские абитуриенты и эта страшная безграмотная, богатая, опасная орда³.

Руководитель Рособраннадзора Любовь Глебова пытается с помощью цифр доказать, что ситуация не такова. В частности она отмечает, что в Чечне, Дагестане очень низкие показатели по ЕГЭ, в Чечне вообще нет выпускников, получивших 100-балльные результаты, слабые результаты по русскому языку получены и в Кабардино-Балкарии. Действительно, явно завышенные результаты отмечаются в Карачаево-Черкессии (доля ЕГЭ выше 80 баллов — 5,5%), в Ингушетии (2,1%), но суммарно счет идет на десятки, может быть, несколько сотен выпускников на всю страну. Тем более, что явно завышенные ЕГЭ отмечались далеко не только там, но и, например, в Воронежской (3,5%) и Липецкой (2,6%) областях.

Но информация уже воспринята, поскольку она соответствует массовым ожиданиям. И вот родители абитуриентов и будущих абитуриентов заходят на сайты вузов, где публикуются списки поступивших, в поисках кавказских имен и фамилий. Все это широко обсуждается, вызывая некоторую антикавказскую истерию. Интересно, что сообщения о том, что нечестные результаты были получены в русских областях, никакого особого отклика не получают.

Для москвичей их право на собственные ресурсы является неотъемлемым, и любые (действительные или мнимые, как в данном случае)

¹ <http://hghltd.yandex.net/yaandbtm?url=http%3A%2F%2Fkpb.by%2Fdaily%2F24335.3%2F526221%2F&text=%E2%F3%E7%FB%20>

² <http://www.nr2.ru/society/240377.html>

³ К большому сожалению, этот курс поддержали и некоторые издания либеральной направленности.

покушения на него вызывают острый протест. Москва — для москвичей в том смысле, что только москвичи имеют право на «добавочные», недоступные другим ресурсы. А места в хороших вузах сегодня — это один из остро конкурентных ресурсов наряду с таким же «естественным» правом на более высокий уровень жизни, на лучшее рабочее место и пр. Жизнь в столице особая, так больше нигде не живут, и никто не имеет права на нее покушаться.

Уже в 2004 г. я проводила опрос московских студентов, который показал, что они в целом неодобрительно относятся к своим однокурсникам из других регионов, поступившим по ЕГЭ¹, рассматривают их как недобросовестных конкурентов. Но тогда москвичи еще находились в привилегированном положении, поскольку сами шли в вузы другим путем, отличались от приезжих. Попытка уравнивать тех и других в правах не могла не вызвать очень сильного протеста просто потому, что никто не имеет права покушаться на московские блага.

Следовательно, необходимо было максимально опорочить тех, кто нарушил равновесие, покушался на те блага, которые им не принадлежат по праву рождения. И вот здесь самый сильный ход — перевести проблему в этническую плоскость, показать, что «захватчики» — как раз те люди, которые, по определению, ниже. К тому же их массовое появление в Москве не на рынке в качестве продавцов (что уже нежелательно, лучше, если торгуют наши старушки), а в лучших вузах приводит к таким угрожающим последствиям, как снижение государственной безопасности. Это не только бандитские группировки в лучших вузах, но и будущие врачи-убийцы, и безграмотные учителя, которые будут выращивать в высококультурной столице безграмотных москвичей.

Очень четко сформулирована эта позиция в одном из Интернет-комментариев к публикации в «Новом регионе»: «ВУЗы существуют не для того, чтобы каждый законный наследник отары в пару сотен курдючных баранов мог похвастаться в родном ауле «корочками». Но это еще полбеда. А вот когда этот самый законный наследник отары, который не может без ошибок даже заполнить заявление о приеме, начнет нас лечить, судить, вести следствие или учить наших детей (не знаю, что хуже) — вот это уже беда. И она не за горами. Спасибо Фурсенке с его ЕГЭ. Отдельное спасибо правозащитникам»².

Заключение. У российских педагогов есть мрачная шутка: «Наше образование — лучшее в мире, только в остальных странах об этом не знают»³. Результаты международного исследования знаний и умений 15-летних подростков PISA показывают, что это не только шутка. Правда, нередко результаты PISA подвергаются сомнению так же, как российская общественность отвергает объективность результатов ЕГЭ. Но какими бы необъективными ни были результаты того и другого, они очень близки между собой. Как отмечал Виктор Болотов, руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования: «Результаты PISA хорошо соотносятся с баллами Единых Государственных Экзаменов». Не справились с заданиями ЕГЭ в 2008 г. и тестами PISA примерно равное число школьников⁴. Это позволяет предположить, что действительно около четверти школьников даже на минимальном уровне не осваивают предмет, а большинству остальных это удается на уровне «тройки».

Если согласиться с этими результатами, а не просто снижать количество решенных заданий для получения приемлемых баллов, то выясняется, что современная школа находится в кризисе, требует концептуальной перестройки. Но у нас нет концепции школы: чему, как и для чего она должна учить. Более того, новая концепция образования требует участия всех заинтересованных субъектов — от государства до родителей школьников и самих школьников. Образование — институт консервативный и инерционный, серьезные изменения в нем возможны только в том случае, если на них есть реальный и настоятельный запрос.

Сегодня этого запроса, в общем, нет. Несмотря на ритуальные жалобы на коррупцию в сфере образования, на неудовлетворенность качеством школы, зарплатой учителей и пр., существующая система функционирует и законы, по которым это движение происходит, известны всем участникам процесса. Появление ЕГЭ оказывается здесь скорее опасным, чем полезным: он показывает проблемы, но их не решает, потому что организации и содержания образовательного процесса не касается. Более того, внедрение ЕГЭ создает огромные сложности: как можно организовать единый экзамен, чтобы это не потребовало слишком больших перемен, к которым государство и общество просто не готовы?

¹ Борусяк Л. Патриотизм как ксенофобия // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6. С. 58–70.

² <http://www.nr2.ru/society/240377.html>

³ <http://www.abitura.com/man/pisa.html>

⁴ <http://www.abitura.com/man/pisa.html>

Пока происходит только «латание дыр»: слишком много двоек, снизим требования, и их не будет. Если они будут, это приведет к социальным проблемам, несопоставимым с преимуществами честного оценивания. А если продолжать выставлять «липовые» тройки, то выпускники спокойно для себя и для общества продолжат идти намеченным курсом, т. е. в институт, что считается необходимым для достижения приемлемой для дальнейшей жизни и работы социализации, а не окажутся в числе безработных.

К тому же это позволит не погубить частные вузы, которым и так с каждым годом будет все больше не хватать студентов: ведь преподавателям этих вузов надо жить и кормить семью.

За счет чего будут жить со своими мизерными зарплатами преподаватели государственных вузов, если снизится запрос на репетиторство и оказание «помощи» во время приемной кампании в вузах? Значит, надо искать какие-то пути вроде олимпиад, позволяющих «помогать» при приеме в вуз. Олимпиады вызывают общественное возмущение? Найдутся какие-то другие формы «помощи» вузовским преподавателям.

Протесты вызывает слишком большое количество мест, куда абитуриенты получили возможность подавать документы? Можно подождать, пока система придет к какой-то стабильности, путем проб и ошибок найдется равновесие. А можно запретить это делать, и тогда, как и раньше, студенты пойдут в два или три вуза.

Оказалось, что ЕГЭ вызывает возмущение у жителей двух столиц (прежде всего, у москвичей) и это ведет к резкому росту ксенофобии? Можно с этим смириться, а можно найти какие-то способы, которые позволят жителям крупнейших мегаполисов сохранить свои преимущества. В этом направлении уже работают

представители московского образования, предлагая всем школьникам собирать свои «портфолио», где фиксируются все их достижения за 11 лет учебы. Возможно, удастся добиться того, чтобы эти «портфолио» учитывались при зачислении в московские вузы.

Вопросов много, а ответов на них не видно. Прежде всего, именно поэтому, а не из-за недочетов самих экзаменационных тестов или организации экзаменов ЕГЭ вызывает столько протестов и общественного возмущения. Образование — процесс крайне инерционный, что быстро изменить в нем просто невозможно. Любые попытки серьезных изменений, даже внешних, как ЕГЭ, всерьез не затрагивающих систему, приводит к огромному числу новых проблем, а старые при этом тоже сохраняются. Для того чтобы что-то серьезно изменить в этой сфере, нужна реальная потребность в этом со стороны всех субъектов взаимодействия, а именно она в общем отсутствует.

Мне кажется, что полного перехода на ЕГЭ, когда он станет единственным способом набора, скорее всего, не произойдет, хотя и совсем отказаться от него теперь уже сложно. Будут идти те же процессы, что и сейчас: вузы продолжают борьбу за право принимать студентов на основе дополнительных испытаний, т. е. традиционных вступительных экзаменов, будет введен учет прежней успеваемости («портфолио») и прочего для итоговой аттестации и работать будет смешанный вариант, включающий и старую систему выпуска-набора, и новую. А борьба против ЕГЭ будет продолжаться во все новых и новых формах. До тех пор пока не установится удовлетворительный, пусть во многом коррупционный, но понятно коррупционный тип взаимодействия, как это было при традиционной форме выпуска/приема.